

Елена Е. Самойлик (Минск)

Стилистический потенциал аксиологических атрибутов в политической речи

Ключные речи:
дискурс, политический текст, аксиологический атрибут, адъективы, общие и частнооценочные значения, сочетаемостные свойства, именная группа.

У раду се сагледавају семантичко-прагматичке одлике и карактеристике лексичке спојивости аксиолошких атрибута којима се изражавају различите врсте општеаксиолошких и појединачних аксиолошких значења у политичком дискурсу. Стилосени потенцијал атрибута разматра се кроз призму аксиологизације и деаксиологизације као двеју опречно усмерених тенденција.

Политический дискурс является коммуникативной сферой столкновения интересов, поэтому неудивительно, что политические тексты отличаются яркой оценочностью, которая определенно выражает отношение говорящего к описываемым событиям и существующим проблемам. «Политический дискурс – основная сфера, в которой формируется, закрепляется или снимается социальная и идеологическая оценочность» (Голованевский 2002: 85).

Оценка как маркер политического дискурса – это один из основных способов воздействия, целью которого явля-

ется побудить аудиторию принять свои обозначения, тем самым влияя на ее ценностную сферу и дальнейшую деятельность. Такое воздействие достигается, например, с помощью положительной самооценки и отрицательной оценки оппонента. Т.М. Николаева отмечает, что воздействие может быть прямым (лобовым), когда оценка входит в словесную семантику, а может быть скрытым (замаскированным), и тогда вступают в силу законы «лингвистической демагогии» или «лингвистики лжи», и в этом случае используются скрытые оценочные суждения (Николаева, 1998: 155). Поскольку

Система 2005

политический дискурс отличается очевидной манипулятивностью, большинство оценочных суждений в нем носят именно такой завуалированный характер. Вопреки тому факту, что в языке арсенал негативно окрашенных оценочных средств значительно богаче положительно заряженных (ср.: «нормативные ситуации однотипны, во всяком случае, они менее разнообразны, чем отрицательные» (Арутюнова 1999: 205)), в политических текстах, характеризующихся противостоянием «своих» и «чужих», отмечается минимальное использование негативно окрашенных эксплицитных оценок и перенос центра тяжести на имплицитные способы выражения: ведь именно с помощью положительно заряженных оценочных слов в сочетании с вуалирующими средствами языка политик может продемонстрировать превосходство качеств, приписываемых «своим», над негативными свойствами «чужих».

Из множества средств убеждения и манипуляции одним из самых употребительных является имя прилагательное (Bollinger 1994; Leech 1977), что связано и с валентностными (ср., например, свойства так называемых «сильных» прилагательных, которые часто сочетаются с низкоинформативными существительными типа *situation, process, facility, condition, assistance*, способных употребляться в любом контексте, использоваться практически с любым определением и присоединять более чем одно прилагательное), и с семантическими, и с прагматическими характеристиками этого класса слов (в частности, их способностью легко совмещать в структуре своего значения семантический и эмоционально-оценочный аспекты).

С целью выявления стилистического потенциала аксиологических средств

атрибуции, реализуемого в политической речи, анализу были подвергнуты выступления Дж. Буша мл., представителей неправительственных политических организаций НАТО, Всемирной Торговой Организации (ВТО) и Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ). Для определения наиболее характерных черт функционирования оценочных атрибутов использовался метод контекстного анализа, рассматривались особенности связей основных разрядов атрибутов с существительными в составе именной группы, а также устанавливалась специфика поведения наиболее частотных типов атрибутов в тексте в целом.

Наш анализ показал, что общеоценочные прилагательные *good* и *bad* и их немногочисленные синонимы (типа *enhanced* или *improved*) встречаются сравнительно редко и составляют 9,09; 8,40; 4,73% соответственно; в исследуемых текстах явно доминируют частнооценочные адъективы.

Бесспорными лидерами среди средств выражения частной оценки в исследуемом материале оказались единицы, имеющие значение *важности*, значительности (*important, significant, vital*), и *параметрические* единицы со значением размера, используемые в коннотативных значениях (*big, small, enormous*). Кроме того, достаточно широко используются единицы, выражающие эмоциональную и этическую оценку. При этом группа слов *эмоциональной* оценки представлена главным образом именами прилагательными, выражающими значение опасности (*dangerous, deadly, threatening, tragic, catastrophic*). Относительное количество этих единиц примерно одинаково в речах всех ораторов и не превышает в среднем 5,50%; исключение составили выступления Дж. Буша мл. (9,50%), у которого наблюдается

наибольшее разнообразие при выборе слов этого типа – от наиболее общего *dangerous* до *murderous*, имеющего сильные отрицательные коннотации. Группу слов, выражающих *этическую* оценку, составляют в основном адъективы, обозначающие положительные личные качества (*dedicated, devoted, proud*). Самая высокая частотность употребления единиц *этической* оценки зафиксирована у Дж. Буша мл. (9,05 %), в то время как в выступлениях представителей НАТО, ВТО и ВОЗ их относительное количество колеблется в пределах до 6%. *Нормативная* оценка представлена адъективами, обозначающими собственно норму (*right, wrong, proper*), и так называемыми ограничителями (*real, true*); *телеологическая* оценка выражается в исследуемых текстах при помощи прилагательного *effective* и его синонимов (два последних типа среди всех разновидностей частнооценочных единиц отличаются сравнительно невысокой частотностью).

Особого внимания заслуживает специфика сочетаемости адъективов, выражающих названные типы оценки.

Так, *общеоценочные* адъективы наиболее активно образуют сочетания с существительными, обозначающими различные виды действия и имеющими позитивную аксиологическую окраску: *When I met President Putin in Moscow last November, he suggested pursuing an enhanced partnership, based on a «logic of common interests»* («Building Security In an Uncertain World»). *Health systems like that of Uganda, have done a fine job in isolating patients and restricting spread* («Failed States, Countries in Crisis and Global Security: How Health can Contribute to a Safer World»). Исключения составляют выступления Дж. Буша мл.: в его речах прилагательные *good* и *bad* сочетаются в основном с весьма

обобщенными наименованиями групп лиц, которые в силу своей семантической специфики нуждаются в конкретизации: *And there are a lot of good people working at that goal. We've got good people here at the federal level working on it* («President Bush Celebrates First Anniversary of No Child Left Behind»).

Основное количество сочетаний группы прилагательных, имеющих значение *важности*, приходится на существительные с семантикой процесса. Наиболее часто употребляемыми в выступлениях всех ораторов являются имена типа *part, role, contribution*. Предпочтение ораторами слов этой группы свидетельствует о желании говорящего акцентировать внимание аудитории на важности и значительности деятельности отдельных лиц и групп лиц в процессе решения глобальных проблем в сфере здравоохранения, мировой экономики, обороны или образования: *The ICBL played an absolutely crucial role in mobilizing public support for international action to address the scourge of landmines* («Notes for Remarks at the Launch of the 2002 Landmine Monitor Report»); *And many of their leaders tell me that, without growth – in which trade and open markets play a key role – they fear for their nation's future* («Globalization: the Impact of the Doha Development Agenda on the Free market Process»). Еще один лексико-семантический разряд существительных, образующий именные группы с прилагательными группы *'important'*, имеет значение средства, способа достижения цели (*measures, instruments, engine* и т.п.). Многие слова данного типа семантически недостаточны, и поэтому требуют определителя: *My own inclination for the NATO-Prague Summit is to refocus on a much smaller number of absolutely critical capabilities and to commit nations to acquiring*

them («A Global Dimension for a Renewed Transatlantic Partnership»); *Trade is a key engine for growth but currently developing country products face many obstacles entering rich country markets* («Preparation for the Fourth WTO Ministerial Conference»).

Параметрические прилагательные *high, broad* и им подобные употребляются в исследуемых текстах преимущественно в характеризующих (квалифицирующих), а не специфицирующих значениях и являются вторыми по частотности среди описываемых оценочных прилагательных. Анализ функционирования этой группы слов в именных группах продемонстрировал, что при существительных некоторые прилагательные размера выполняют функцию интенсификации и в этом смысле приближаются к словам эмоциональной оценки. Слова *enormous, huge, massive*, обладающие сильной семантикой, в сочетании с именами процесса и результата процесса *impact, effort, benefit*, имеющими позитивную коннотацию, усиливают воздействие на аудиторию и свидетельствуют о желании подчеркнуть значимость достигнутого: *Take Kosovo. NATO's operation was, by any standards, a huge success* («Building Security in an uncertain World»). Слова этой группы также употребляются в значении *important* (как, например, *high*), и поэтому были отнесены к соответствующей группе: *Education is a high priority for President Bush, for me and for the entire Bush Administration* («Remarks by Mrs. Laura Bush at Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) Forum»). В собственно параметрических значениях прилагательные размера встречаются с существительными, предполагающими счет или обозначающими количество (*number, amount, range*). Однако в этих случаях их функции также не ограничи-

ваются только номинацией, и можно отметить оценочную функцию этих прилагательных: *Small countries can use the WTO rules and disputes systems as equals under the law* («Promoting Openness, fairness and Predictability in International Trade for the Benefit of Humanity»).

При этом специфика сочетаемости как адъективов со значением *важности* так и *параметрических* атрибутов позволяет говорить о том, что для данных групп лексики весьма характерна и традиционно выявляемая в политических текстах тенденция к подавлению номинативной точности прагматически обусловленной неопределенностью (Шейгал 2000, с.52). Так, прилагательные названных групп независимо от тематики текста устойчиво сопровождают относительно низкоинформативные существительные, создавая своеобразные жанрообразующие клише, которые выполняют скорее ритуальную, нежели информативную функцию: *The jobs and growth proposals I've outlined today are a focused plan to encourage consumer spending, to promote small business growth, to boost confidence in our markets, and to give critical help to unemployed citizens* («President Bush Taking Action to Strengthen American Economy»); *This list of shortcomings could be extended almost ad infinitum. Surveillance, air-to-air refueling, tactical missile defense – on a wide range of issues there is a gap between the US and its Allies, a gap both of quality of individual equipment and of respective ability to integrate into a coherent system* («Defense and Security in an Uncertain World»); *More can still be done and efforts must be made for the poorest countries in a wider negotiation* («The Parliamentary Assembly of the Council of Europe»).

Прилагательные эмоциональной оценки часто используются в сочетаниях со

словами «сильной» семантики, например такими, как *threat, danger, tyrant, weapons, shocks* и под. Сами эти имена весьма экспрессивны и семантически самодостаточны, и поэтому могли бы быть использованы и без атрибута. Однако приписывание им признака способно существенно интенсифицировать эмоциональную «заряженность» и существительного и высказывания в целом: *A global rules-based system based on non-discrimination could give way to patchwork of discriminatory regional deals and potentially hostile blocs combined with aggressive unilateralism by big guys* («The Multilateral trading system in support of Africa-led and Africa-owned development»).

Наиболее частотными существительными, с которыми сочетаются адъективы, обозначающие **нормативную** оценку, являются имена процессуальной семантики (главным образом со значением помощи, поддержки и развития): *I firmly believe that this is how the environment moved from being a cause for the converted to an issue for real attention* («Address to Parliament»). Кроме того, встречаются их сочетания с существительными, обозначающими средства достижения цели: *I know that countries in this region will set the right tone for this work* («Regional Committee for the Eastern Mediterranean»).

Группа единиц телеологической оценки в подавляющем большинстве случаев демонстрирует сочетаемость с существительными, имеющими значение процесса или средств: *Through the Global Alliance for Vaccines and Immunization, through the Global Fund to Fight AIDS, TB and Malaria, and a number of other alliances and partnerships, we have developed a new set of tools to turn resources into effective action* («Achievements and Challenges of Public Health in the World»).

При этом любопытно отметить, что в силовое поле акцентированной аксиологичности в политических текстах оказываются втянутыми и единицы, формально не имеющие оценочных характеристик. К числу таких единиц относятся, например, относительные прилагательные, употребляемые в анализируемых текстах в терминологическом значении (например, *nuclear arms, chemical and biological weapons* или *developing countries*). Однако при всей терминологичности назвать их чисто специфицирующими нельзя. Прибегая к употреблению таких словосочетаний, как *nuclear arms, chemical and biological weapons*, говорящий апеллирует к памяти аудитории, вызывая совершенно определенные ассоциации, связанные с этими теперь уже терминологическими образованиями: *And yet that cult apparently spent millions of dollars to purchase a nuclear device* («NATO–Russia Cooperation in Combating Terrorism: a New Idea Whose Time has Come»). Что же касается сочетаний типа *developing countries, least-developed countries* и под., то по сути они обозначают *backward countries* и являются эвфемизмами. Используя подобные номинации, говорящий обычно акцентирует внимание аудитории на проблемах, которые наиболее остро стоят именно в этих странах. При этом очень редко приводятся сопоставления с «благополучными странами», где, как подразумевается, подобные проблемы давно решены. Можно заметить, также присутствие в высказывании имплицитного сравнения с развитыми странами, как видно из следующего примера: *My presence today in Abuja serves to illustrate once again my strong commitment towards Africa and for the integration of developing countries into the multinational trading system* («4th Ordinary Session of the OAU/AEC Conference of

African Ministers of Trade»). Таким образом, хотя сами атрибуты данного типа и не обладают собственным оценочным значением, их семантика не ограничивается одной лишь спецификацией.

Аналогичные тенденции актуальны и по отношению к посессивным и демонстративным атрибутам. Так, притяжательные местоимения выполняют в анализируемых текстах двойную функцию: с одной стороны – оформляют существительное, а с другой – выражают оценочную модальность: *So if Europe wants to punch its economic weight when it comes to crises on its doorstep or more widely, we must modernize our militaries. And do so quickly* («НАТО in the 21st Century»). В данном примере притяжательное местоимение наряду с осуществлением функции перехода от темы к теме не только определяет имя, но и выражает отношение говорящего к предмету высказывания: вооруженные силы понимаются в рассматриваемом случае как часть совместных усилий, предпринимаемых европейским сообществом. Таким образом, в данном текстовом фрагменте посессив активно участвует в формировании фундаментальной смысловой оппозиции политического дискурса «свое – чужое», и тем самым демонстрирует безусловную аксиологическую маркированность. Двойную роль (соотнесение признака и его носителя, с одной стороны, и выражение субъективной оценки, с другой) зачастую играют в исследуемых текстах и демонстративы: *We have moved from a century of coercion to a new millennium of persuasion. Good corporate ethics make good business sense. This new world still contains all too many examples of the myriad tensions, problems and conflicts that have such a debilitating feature of the past century* («Globalization: the Impact of the

Development Agenda on the Free Market Process»).

Еще одним небезынтересным аспектом анализа функционирования аксиологически маркированных атрибутов в политическом тексте является выявление характера их локализации в определенных структурных блоках текста.

Некоторые исследования, посвященные особенностям распределения оценочных единиц в политическом тексте, показали, что их концентрация достигает наибольшей величины ко второй трети (Пермякова 1998: 85). Анализ поведения атрибутивных средств в исследуемом материале позволяет заметить, что эта тенденция не является абсолютной. В большинстве проанализированных нами речей распределение употребления оценочных определений оказалось относительно равномерным на протяжении всего текста. Более того, в некоторых текстах количество оценочных атрибутивных единиц по мере продвижения к финальной части не только не увеличивается, а, напротив, уменьшается (так, например, в речи «Governing Stability Across the Mediterranean Sea: a Transatlantic Perspective» количество аксиологически маркированных определений во введении, основной части и заключении предстает как 22,58%; 22,35% и 12,5% соответственно). Это объясняется тем, что распределение оценочных атрибутов может существенно варьироваться в зависимости от характера коммуникативно-прагматического рисунка текста. Кроме того, аксиологическое акцентирование тех или иных идей может осуществляться и при помощи других оценочных средств (например, существительных или глаголов).

При этом тенденции к локализации оценочных адъективов в тех или иных структурных блоках текста для единиц,

реализующих отдельные виды частно-оценочных значений, несколько различаются. Так, только прилагательные, принадлежащие к семантической группе *important*, встречаются во всех трех композиционных частях анализируемых текстов. Адъективы, реализующие параметрические, этические, телеологические и нормативные аксиологические значения, тяготеют к локализации в основной части и спорадически фиксируются во введении и заключении. Эмоциональные оценочные атрибуты широко представлены в основной части и, кроме того, весьма типичны для введения.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что функционирование атрибутивных лексических единиц в политической речи отличается рядом интересных особенностей, среди которых наиболее выразительной, по-видимому, можно считать взаимодействие двух противоположно направленных тенденций. С одной стороны, это тенденция к активизации или даже индуцированию оценочных значений в лексических единицах, в семантической структуре которых аксиологические компоненты отсутствуют (см. проявление имплицитной аксиологической «заряженности» у относительных прилагательных, а также

посессивных и демонстративных атрибутивных единиц). С другой стороны, это тенденция к элиминированию (в определенных контекстуальных условиях) оценочных значений у адъективов, которые в своих словарных значениях отличаются безусловной аксиологической маркированностью (в первую очередь это относится к адъективам со значением важности, а также параметрическим прилагательным). Именно элементы этих групп (которые составляют в нашем материале около 30% от всего количества качественных прилагательных, составляющих в языке, как известно, ядро средств выражения оценки), как это ни парадоксально, не играют важной роли в раскрытии основной идеи текста и формировании его модальных смыслов. Они практически не встречаются в функции определений к ключевым словам текста, спорадически представлены в таких «отмеченных» текстовых зонах, как введение и заключение (последнее относится в первую очередь к параметрическим единицам), и в большинстве случаев сопровождают низкоинформативные сущительные, создавая при этом малосодержательные клишированные формулы и выполняя скорее ритуальную, нежели убеждающую функцию.

summary

Σ The stylistic potential of axiological attributes in political discourse

Considered in this paper are the problems of stylistic capacity of evaluative attributes in political discourse. The analysis of the attributive means used in political speech is based on the assumption that evaluation is the major feature of political discourse, with attributes presenting one of the most numerous devices to realize evaluative meanings. The cases of evaluative attributes studied are: 1) adjectives of various semantic groups; 2) possessive and demonstrative pronouns used in their attributive functions. The style-

forming potential of these elements from the point of view of cluster and contextual analysis is revealed. When conditioned by certain pragmatic factors, some adjectives – although deprived of evaluative meaning as such – acquire evaluative connotations. Political speech becomes stylistically distinguishable owing to clichés formed with adjectives of the most numerous semantic groups. Possessive and demonstrative pronouns, their main grammatical functions redundant, often take on the meaning of evaluation.

Литература

- Арутюнова 1999. **Арутюнова Нина**. Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры. – 896 с.
- Голованевский 2002. **Голованевский Андрей**. Оценочность и её отражение в политическом и лексикографическом дискурсе (на мат. русского языка). – In: Филологические науки. – № 3. – С. 78–87.
- Карасик 2002. **Карасик Владимир**. Язык социального статуса. – Москва: ИТДГК Гнозис. – 333 с.
- Николаева 2000. **Николаева Татьяна**. От звука к тексту. Москва: Языки русской культуры. 2000. – 680 с.
- Николаева 1998. **Николаева Татьяна**. Лингвистическая демагогия. – In: Прагматика и проблемы интенциональности. – Москва. – С. 154–166.
- Пермякова 1998. **Пермякова Татьяна**. Оценка как стержень структурной организации текста. – In: Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа политического текста. – Вып. 1. – Минск: БГУ. – С. 81–96.
- Шейгал 2000. **Шейгал Елена**. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена. – 368 с.
- Bollinger 1994. **Bollinger Dwight**. Language. The loaded weapon. The use and abuse of language today. – London – New York: Longman. – 214 p.
- Leech 1977. **Leech Geoffrey**. Semantics. – Harmondsworth – New York: Penguin Books. – 1977. – 386 p.